

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДИСЛОВИЯ ФИЛОСОФСКИХ ИЗЫСКАНИЙ (ПАРАФРАЗЫ ТЮТЧЕВСКИХ ФИЛОСОФЕМ)

This article analyzes the relationship of poetry and philosophy. Poetic speech is regarded as a "paradigmatic forms of verbal creativity". Poetry is historically the original way of the speech development of the world. In the process of teaching the philosophy of poetry should be used as a kind of «ideological» preface to a philosophical constructions and topics. This fact is illustrated in the example of Tyutchev's poetry who formulated a number of profound philosophical problems. Poetry sets the world outlook limits of a meaningful word and speaking silence of depth.

Поэтическое творчество априорно философично, ибо сама поэтическая речь, ещё с мифологических времён, выступает «образной Вселенной» разнообразных мировоззренческих констелляций и тематических парадигм. И дело даже не в том, что уже многие античные философы прибегали в своём творчестве к поэтической аранжировке собственных произведений. Само бытие Сущего предполагает поиск оптимальных (с точки зрения содержания и формы) мыслеобразных нарративов, дающих возможность, не растекаясь мыслию по древу, осваивать «глубины» наших душевных переживаний и духовных откровений.

В своё время Л. Витгенштейн сформулировал философскую концепцию «языковых игр», опираясь на которую попытался представить всю социальную жизнедеятельность в качестве полифонии «речевых практик», репрезентирующих «лингвистическую предпосылочность» человеческой экзистенциальности как таковой. Акцентируя онтологическую фундаментальность «лингвистического ракурса», Л. Витгенштейн спровоцировал и вопрос об «идеальном языке», с помощью которого можно было бы «обыграть» и сам язык, (вос)торжествовать над его самоубийственными «розыграшами», над дурной бесконечностью «суесловия» в любых социокультурных транскрипциях.

Библейское «В начале было Слово...» мировоззренчески симптоматично в силу того, что является религиозной ретрансляцией (каких-то, более изначальных) архетипических модуляций человеческого Разума. В современных культурологических реконструкциях исходных «мировоззренческих оптик» восприятия бытия убедительно засвидетельствована поэтическая доминанта данных конфигураций мысли.

Поэт -- это первое культурно-историческое издание «Мудреца», человека, посвящённого в тайны Смысла, черпаемого посредством Слова из глубин «первородного Хаоса». Именно там, в иррациональных недрах мыслеобразного томления, зарождается интенция «слова-имени», первичная артикуля-

ция смятенной Мысли, взыскующей своего вербального близнеца. Поэт, как известно, говорит «языком стихотворений», а точнее, «языком стихо(в)торений», ибо он не столько самочинно плодит всё новые и новые словесные арабески, сколько мистически улавливает «протуберанцы» обнажившегося смысла, его «недомолвки и намёки», косноязычия сакрального. *«Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...»* Эти ахматовские строки очень точно и тонко передают и грациозную пластичность «техники стихосложения», и тот пафосный вызов «молчанию бытия», который всё время нависает китайской стеной над «муками Слова», обуревающими человеческую жажду *«глаголом жечь сердца людей»*.

Мудрость поэзии отнюдь не иллюстративна для более рационалистических версий человеческой Речи. Она, скорее, **парадигматична** для них, т.к. задаёт образцы компактного архивирования многослойных смысловых каркасов в символической текстуре образных кардиограмм. Необходимо, наконец, избыть элитарный снобизм философского и научного дискурсов в системе высшего образования, отодвигающих поэтическое творчество в маргинальную область «инструментальных речитативов». Поэзия есть духовное основание всякого «бытийного речения» как в облике «поэтики» дисциплинарного проговаривания качественных определённостей Сущего, так и в контексте герменевтической «диагностики» проблемных мировоззренческих пространств человеческого интеллекта. Поэзия зондирует мир на предмет его возможной осмысленности, с точки зрения «философии понимания», в зонах «начал речи». Она может и должна служить онтологическим плацдармом диалогических замыканий Разумов и Культур, Понятий и Архетипов, назревающих недоумений и эвристических экспозиций прозрения.

Поэтическая пропедевтика философских построений должна стать правилом хорошего тона в изложении их предметного содержания. Как нам представляется, мировоззренческие искания студенческой аудитории целесообразно ассимилировать в историко-философские баталии на уровне поэтических «философем», позволяющих не навязывать понятийную ригористичность философских отложений Мысли, а предъявить их образную предысторию, их поэтические инварианты. Возможно, для того, чтобы продемонстрировать мировоззренческую актуальность и личностную аутентичность философских версий Мысли «бытовому» сознанию, необходимо адекватное атрибутирование Смысла воплощать не в прозе терминологически обезжизненных слов, а в сценариях и сюжетах поэтического Слова (как квинтэссенции наиболее «искусной речи»).

Человеческое естество нуждается в соблазне глубокомыслия, но оно желает, чтобы его «искушали исподволь», завоевывали логосом Голоса, вещающего не менторскими декламациями, а патетикой смысловых арит-

мый, зарифмованных в ритмологию душевных эволюций. Поэтическая субстанция как нельзя лучше и органичнее подходит для этого победного восхождения человеческой экзистенции к собственной растревоженной самости через дегустацию нотных записей Разума в мелодизмах поэтического поиска. Правда, человеческое сознание всё время поджидает одна роковая опасность, перед лицом которой оно способно капитулировать и о существовании которой предельно откровенно и мужественно нас предупредила опять-таки поэзия устами великого Тютчева. *«Мысль изречённая есть ложь»*, – провозгласил однажды этот выдающийся провидец в порыве эзотерического вдохновения. Эта поэтическая реплика вводит человечество в головоломную философскую область «исповеданий Истины», голгоф высказывания её «гносеологических двойников». Эксплицируется сквозная драма (чреватая трагическими смыслоутратами) разыскания «словесных эквивалентов» интеллектуально-духовных содержаний.

Философский агностицизм в своих аргументах о проблематичности претензий познающего человека на обладание «знанием» ссылается не только на трудности доказательств самого существования чего-либо в качестве «объекта познания», а также на психосоматическую и культурно-историческую уникальность всякого «субъекта познания», но и на принципиальную онтологическую нетождественность этих бытийных образований друг другу. В силу этого процесс познания всегда **сомнителен** в прямом и иносказательном значениях этого слова. Человек – существо, обречённое «сомневаться» в истинности своих постижений бытия и обречённое оставаться «мнящим» себя «знающим». Его удел – довольствоваться «мнениями», производными от его «сомнений» в собственных интеллектуальных, орудийных и ... **языковых ресурсах** освоения сущностей бытия.

Кстати говоря, **средневековый номинализм** из этой же «гносеологической оперы», ибо рассматривает «словарь человеческих слов» как кощунственную попытку человека присвоить себе божественную прерогативу «давать Имя сущему», вырывая последнее из «тайнств Ничто». Не будучи Богом, человек, тем не менее, «оскверняет» изначальную божественную самобытность всего Сущего, приписывая ему ограниченную номенклатуру «терминологических обзваний». Он ранит и засоряет божественное Творение «словами» вместо того, чтобы «вслушиваться в Слово». Как печально-иронично выразилась одна современная поэтесса: *«Мы Слово разменяли на слова, на словеса, словечки, знак вопроса...»*

Тютчев центрирует наше внимание на онтологической пропасти «между» Словом о бытии и самим Бытием, попавшем в поле зрения нашей вопрошающей Мысли. Как правило, к великому сожалению и несчастью, слово «лжёт» не потому, что сознательно глаголет «неправду», а потому

что «недоговаривает» и «недосказывает» Истину во всей её подлинной сокровенной полноте. *«Откуда, как разлад возник? / И отчего же в общем хоре / Душа не то поёт, что море, / И ропщет мыслящий тростник?»* Отсюда необходимость в какой-то «особой речи», способной без богохульства, но своего рода «по образу и подобию» божьему прорвать путы «болтливой немоты» наших привычных многословных потуг приобщиться к истинам Смысла. Какова же эта квазибожественная инстанция человеческих философствований о «предельном» и «обо всём», в пространстве которой *«...Как в узах заключенный дух, / На волю просится, и рвётся, / И хочет высказаться вслух...»*

Человечество стремится «сказаться о Сущем» с максимально возможным приближением к нему самому. Поэт и представляет собой такую типологическую манифестацию человеческого «усилия мыслить», в облике которой Бытие и Слово наиболее часто и органично совпадают в своих граничных состояниях, вступают в кровнородственные отношения, задают усмотрение горизонтов и перспектив искомого. Однако, в силу того, что *«Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется, – / И нам сочувствие дается, / Как нам дается благодать...»*, благодать вещего Слова предполагает парадоксальную ответственность... молчанием, своеобразный добровольный мораторий на словесные упражнения и искусственные «словоблудия» до тех пор, пока не найдены образы и Слова, не самоубийственные для Смысла и человечности. Позволим себе в этой связи небольшую эклектическую компиляцию из нескольких тютчевских стихотворений. *«Обвьян вЕщею дремОтой» / «Веленью высшему покорны, / У мысли стоя на часах...» / «Взрывая, возмутишь ключи, / Питайся ими – и молчи»*. Фактически («постфактум») о том же самом предупреждал и Л. Витгенштейн, формулируя следующий философский императив: «Следует молчать о том, о чём Мы не способны (временно и/или ответственно – В.К.) сказать».

Таким образом, поэт и поэтическая речь изначально на страже Смысла и Слова, на страже Истины, предполагающей их бытийную диалектику и любовный диалог. *Поэзия не жанр словесного творчества, а философия подлинного высказывания о Сущем. Она в своих фундаментальных измерениях есть, некоторого рода, «(до)философия сверхфилософии»...*

Одно лишь обстоятельство вызывает грустные опасения, и Тютчев здесь вновь удивительно актуален: *«В наш век стихи живут два-три мгновенья, / Родились утром. К вечеру умрут... / О чём же хлопотать? Рука забвенья / Всегда вершит свой корректурный труд»*. В наших силах не допустить этого забвения нашей же богоподобной возможности изъясняться с помощью поэзии на языке самих бытийных «стихий»...

В заключение, на правах автора данного текста позволим себе поэтическую реминисценцию: *«Есть в бытии волнующая тайность, / Гипноз безОбразного дна, / Вообразенья виртуальность, / Всеиностранность естества! / Поэтому Мы приглашены / На литургию глубины...»*